

О микроареальном диалектном членении говоров Верхнего Прикамья в свете идей А. А. Шахматова¹

Инициированная А. А. Шахматовым и составленная в 1914 году Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым «Диалектологическая карта русского языка в Европе» [Опыт диалектологической карты... 1915] является наглядным отражением позиций самого А. А. Шахматова. Так, вышедшие в 1915–1916 гг. «Очерк древнейшего периода истории русского языка» и первая часть «Введения в курс истории русского языка» А. А. Шахматова, в которых подробно разясняется генезис русских наречий, могут рассматриваться как историко-лингвистический комментарий к карте. Например, на карте мы видим границы между территориями распространения северновеликорусских и южновеликорусских говоров, частично проходящие по бассейну среднего течения Оки, что в какой-то мере согласуется с идеями А. А. Шахматова [Шахматов 1916: 35–36], для которого этот регион во многом был ключевым. Согласно наблюдениям А. А. Шахматова, в Поочье некогда жили «финские племена», радимичи, позже их сменили вятичи [ibid.: 101] и восточные кривичи [ibid.: 111], что, разумеется, повлияло на установление именно тех границ русских говоров, которые и отражены на карте.

«Опыт диалектологической карты русского языка» также впервые в отечественном языкознании развивает идею зоны вибрации², отображая различные типы переходных говоров, образовавшихся между диалектными группами русского языка [Опыт диалектологической карты... 1915: 1–3; карта]³.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта («Финно-угорский субстрат в топонимии и русских говорах Верхнего и Среднего Прикамья»), проект № 13-34-01018 (a1).

² Мы ни в коей мере не умаляем несомненных заслуг И. Шмидта, Г. Шухардта, Г. Веенкера Ж. Жильерона, М. Бартоли в развитии ключевых понятий лингвогеографии и, в частности, данного понятия. Понятие «зоны вибрации», по-видимому, было введено В. М. Жирмунским (например, см.: [Жирмунский 1954]).

³ Впрочем, это заслуга не столько А. А. Шахматова, сколько Н. Н. Соколова, на русском материале давшего определение переходных и смешанных говоров [Соколов 1908: 1–6] (цит. по: [Никитин 2002: 96]), и Н. Н. Дурново, изложившего теорию переходных говоров [Дурново 1917: 1–13] и прямо назвавшего средневеликорусские говоры переходными «между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями» [ibid.: 9].

Кроме всего прочего, рассматриваемая карта примечательна тем, что отражает ареалы нерусского населения среди русского и наоборот. В исследуемом нами Верхнем Прикамье в пределах Пермской губернии на русскоязычном «фоне» выделены три островка иноязычного населения. Очевидно, островок в Камско-Косинском поречье репрезентирует территорию распространения северного наречия коми-пермяцкого языка, островок в южной части бассейна Иньвы представляет собой ареал южных коми-пермяков, а участок к северо-востоку от Соликамска показывает нам область былого распространения коми-язьвинского наречия.

Любопытно проследить, как изменилась лингвоэтническая ситуация в указанном регионе за прошедшее столетие. Границы распространения северных и южных коми-пермяков практически остались неизменными, в то время как ареал коми-язьвинского этноса сильно сократился. Это подтверждается материалами лингвистики (В. И. Лыткин, Р. М. Баталова, Р. Бартенс и др.), истории, этнографии (Г. Н. Чагин, А. В. Черных и др.), а также демографической статистики: если по данным переписи 1926 г. в пределах бассейна камской Вишеры «пермяками» по языку (т. е. носителями коми-язьвинского наречия) записались 3163 человека, то по переписи 2002 г. таковых осталось не более 900 человек [Народы Пермского края... 2010: 93]. По личным наблюдениям современной финской исследовательницы Р. Бартенс, коми-язьвинским наречием на рубеже тысячелетий владело и того меньше — всего лишь несколько десятков человек старшего поколения [Bartens 2000: 32]¹. По другим данным, «численность коми-язьвинцев в Пермском крае составляет около 2,5 тыс.» (без указания количества владеющих родным языком) [Чагин, Шестакова 2008: 103].

¹ Хочется надеяться, что эти пессимистичные цифры сильно занижены. Напомним, что в итоговом отчёте последней Всероссийской переписи населения, проводившейся в 2010 году, коми-язьвинцы ни по национальной принадлежности, ни по владению языком не дифференцированы от коми-пермяков, что не позволяет судить об их численности. При этом отдельными исследователями постулируется, что наречие язьвинских пермяков по целому ряду лингвистических особенностей не вполне корректно считается наречием коми-пермяцкого языка и заслуживает статуса отдельного языка (см. работы В. И. Лыткина, В. К. Кельмакова, Ш. Чуча, Г. Н. Чагина и др.). Возможно, причина подобного неразличения, кроме административных удобств, кроется также в неудачно сконструированном этнониме, который чужд носителям язьвинского идиома: «Мы в родном языке называемся пермяками, а теперь нас зовут и записывают коми-язьвинцами. Это сделано искусственно <...> лучше нас называть пермяками язьвинскими, так как мы это название лучше принимаем» [Чагин, Шестакова 2008: 103]. О введении в научный обиход искусственных этнонимов «коми-зыряне», «коми-пермяки», «коми-язьвинцы», «коми-зюдинцы» в 1920-е годы подробнее см.: [Баталова 2002: 133–134].

Развивая тезис А. А. Шахматова о том, что «даже в тесных границах волости и прихода язык вообще не представляет полного единства»¹ [Шахматов 1915: IV], предпримем далее попытку микроареального диалектного членения современных русских говоров Верхнего Прикамья на материале лексики и отчасти фонетики. На основе лингвистических данных в Верхнем Прикамье можно выделить внутрорегиональные микроареалы, сложившиеся в результате продолжительного заселения и освоения этого региона с XV в. носителями различных русских говоров, а также последующей ассимиляции ими автохтонного финно-угорского населения.

С одной стороны, выделяются микроареалы, обусловленные «точечным» заселением относительно изолированных территорий Верхнего Прикамья крестьянскими общинами, прибывавшими из отдельных регионов Северо-Запада, Подвинья, Поморья, Вятчины.

К примеру, в Юрлинском районе бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа существует компактный куст деревень, заселённых русскими, которых к данному моменту принято считать отдельной этнографической группой в иноэтническом окружении — юрлинцами [СРГКП: 11–14]. Известно, что этот изначально населённый коми-пермяками край стал осваиваться русскими в XVII в. и что первыми на этих землях обосновались русские родом с Вологодского края и окрестностей Койгородка Вятской губернии (ныне — на территории Афанасьевского района Кировской области). Позже сюда переселились старообрядцы из Поволжья. Говоры Юрлинского района отличаются бытованием следующих уникальных, судя по имеющимся диалектным словарям, лексем: *áрик* ‘мелкая речная рыба; то же, что аржан, аргыш’²; *бéнгать* ‘ударять со звоном, бить’; *бóбгать* ‘ворчать, недовольно бормотать’; *бóньгать* ‘говорить возмущаясь’; *бори́ть* безл. ‘идти мелкому дождю’; *бры́днуть* ‘дать, добавить, подложить’; *брю́ньги* ‘о нестройных, беспорядочных звуках’; *ва́дера* ‘о грубом человеке’; *ва́чканы* ‘тумаки, побои’; *веза́нка* ‘крестная мать; то же, что вежанька’; *во́хлить* ‘говорить’; *вы́ргать* ‘каркать’; *го́лбеиный* ‘пожилой, очень старый’; *го́ргать* ‘греть’; *гы́жнуть* ‘разбросать с шумом в разные стороны’; ‘пройти дождю’; *дже́лька* ‘молодая овца’; *э́ргать* ‘скрипеть’; *зату́нгать*

¹ А. А. Шахматов чуть позже углубил эту мысль: «Перед нами, таким образом, в настоящее время множество различных друг от друга русских *индивидуальных* языков: их столько же, сколько индивидуумов, говорящих по-русски» [Шахматов 1916: 7].

² Здесь и далее в абзаце приводятся материалы из СРГКП с сохранением словарных дефиниций источника.

безл. ‘заморозить, сделать твердым’; *заузы́мать* ‘поддаться сну, задремать’; *кани́юшка* ‘зонтичное растение’; *клéнгатъ, клéньгатъ* ‘находиться в постоянной занятости, в тяжелой работе’; *кны́чить* ‘болеть’; *крь́жить* ‘гулять, искать самца (о собаке)’ и мн. др.

Подобными изолированными группами русских с уникальной историей их формирования и уникальными языковыми особенностями являются гайнско-косинская группа русских, группа русского горно-заводского населения в Юсьвинском районе, группа русских Камско-Колвинского междуречья и т. д. Установлено, в частности, что русские говоры севера Пермского края дробятся на пять групп: гайнские, нижневишерско-колвинские, юрлинские, соликамские, вишерско-язвенские [СРГСПК: 16].

С другой стороны, несколько смежных или даже частично пересекающихся микроареалов внутри Верхнего Прикамья образует финно-угорский субстрат. Выделяются такие субстратные типы, как северо-коми-пермяцкий, южно-коми-пермяцкий, западно-мансийский, причём последний в свою очередь также чётко дифференцируется на северный и южный. Например, исключительно в ареале северо-коми-пермяцкого субстратного типа распространены такие лексемы, как *ла́бда* ‘крутой отвесный берег, подмываемый рекой’, *оль* ‘редкий невысокий лес, чаще черноеполье (ель, пихта), реже березник на низких сырых местах’, *урдым* ‘неширокая лесная дорога для вывозки леса’, *чурк, чурок* ‘невысокое скалистое возвышение’ и др. Все эти слова встречены в русских говорах относительно компактной территории в Колвинско-Вишерском поречье и не находят прямых соответствий с материалом живых коми-пермяцких говоров, хотя их коми происхождение неоспоримо. Таким образом, на основе субстратных лексических данных, имеющих чёткие границы, можно очерчивать диалектные микроареалы, сложившиеся в определённых лингвоэтнических условиях.

Подобными дифференцирующими лингвогеографическими критериями могут служить данные фонетики. Выявлено, к примеру, что особые фонетические особенности, характеризующие верхневишерские русские говоры, являются результатом непосредственного влияния мансийских говоров. К таким особенностям относятся: 1) мена [с] на [s], 2) произнесение сочетания «мягкий переднеязычный согласный + гласный непереднего ряда» как «долгий мягкий переднеязычный согласный + гласный непереднего ряда», напр., *бра[t':]а*, 3) произнесение сочетания «мягкий губной согласный + гласный не-

переднего ряда» как «губной согласный + /j/ + гласный непереднего ряда», напр., *жерѣб[jo]нок, роб[ja]та* и др. [Ерофеева 2013: 10]. При этом в верхневишерских говорах отсутствует повсеместно представленное в русских говорах Верхнего Прикамья произнесение т. н. средневропейского [ɫ] вместо обычного русского веляризованного [ʎ], что и полагается фонетической чертой, обусловленной коми-пермяцким влиянием. Иначе, такие особенности верхневишерских говоров, как субституция глухого велярного фрикативного [x] глухим велярным плозивным [k] (широко распространённая в русских говорах Верхнего Прикамья) и наличие сверхмягких (или шепелявых) [sʷ] и [zʷ] не могут считаться дифференцирующими при идентификации субстрата, так как они присущи и коми, и мансийским говорам.

В отдельных случаях видны ареалы субстратных финно-угорских диалектов и зоны пересечения лексических изоглосс. Так, в упомянутом Верхнем Привышерьѣ на более ранний мансийский субстратный тип с запада наложился более поздний (северо-)коми(-пермяцкий) субстратный тип (подробнее см.: [Гайдамашко 2014: 348–354; карта 2]). Иными словами, проявляющийся в русских говорах Прикамья коми субстрат в отдельных ареалах содержит в своём составе мансийский субсубстрат.

Таким образом, зная дифференцирующие лингвистические особенности, отличающие тот или иной микроареал, а также лингвоэтнические условия, в которых сложились эти особенности, возможно проводить границы между отдельными говорами, что, безусловно, имеет определённую ценность в лингвогеографической практике, историко-лингвистических и этимологических штудиях.

Литература

Баталова Р. М. О месте языка коми-язвинцев в структуре пермских языков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Тараканов. Ижевск, 2002. С. 131–139.

Гайдамашко Р. В. Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014.

Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 9 / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1956.

Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917. (Труды

Московской диалектологической комиссии / Под ред. Д. Н. Ушакова. Вып. 6).

Ерофеева Е. В. Языковая ситуация Пермского края: особенности русской спонтанной речи и методы исследования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 7–16.

Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 3–25.

Народы Пермского края: Истоки. Становление. Развитие : научно-популярная энциклопедия / Отв. ред. С. В. Неганов; науч. ред. А. В. Черных. Пермь, 2010.

Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (Неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.

Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии / сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. М.: Синод. тип., 1915. // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. Д. Н. Ушакова. Вып. 5.

СРГКП — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа [науч. ред. И. А. Подюков]. Пермь, 2006.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края: Вып. 1. А–В / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011.

Чагин Г. Н., Шестакова Е. Н. Современная социокультурная среда язынцев // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. Вып. 7 (23). С. 103–114.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. (Энциклопедия славянской филологии / Под ред. И. В. Ягича. Вып. 11.1).

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племён и наречий. Пг., 1916.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 372 s. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 238).